

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ

DOI 10.24412/2076-8176-2025-2-124-136

Новые материалы о судьбе лаборатории Э.С. Бауэра в Академии наук СССР

Е.С. ЛЕВИНА, К.О. РОССИЯНОВ

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия;
rossiiianov@yandex.ru

Статья посвящена истории лаборатории, созданной в Москве Э.С. Бауэром, известным венгерским ученым, автором книги «Теоретическая биология», работавшим с 1925 г. в СССР. В Архиве РАН Е.С. Левиной была обнаружена стенограмма заседания, на котором решалась судьба лаборатории. Публикуемая стенограмма позволяет лучше понять отношение научного сообщества к идеям Бауэра, а также некоторые общие проблемы организации советской науки. Особый интерес представляют сведения о сотрудничестве Бауэра с известным гистологом А.А. Заварзиным.

Ключевые слова: история биологии, теоретическая биология, организация науки в СССР, Э.С. Бауэр, венгерская научная эмиграция в СССР.

Своей известностью венгерский биолог Эрвин (Эрвин Симонович) Бауэр (1890–1938), в 1925 г. переехавший в СССР, обязан вышедшему на русском языке фундаментальному труду «Теоретическая биология» (Бауэр, 1935), который вслед за арестом автора осенью 1937 г. и скорым его расстрелом был на долгое время забыт, погребен в спецхранах советских библиотек. После реабилитации ученого в 1956 г. книга оказалась доступна в крупных библиотеках, даже читалась и изучалась — одному из авторов этой публикации (К.О. Россиянову) живо помнятся засе-

дания семинара по теоретической биологии, проводившиеся на биологическом факультете МГУ А.П. Левичем в конце 1970-х — начале 1980-х гг.: в качестве начального чтения участникам предлагалась как раз «Теоретическая биология» Бауэра. Примечательно, однако, что переизданная в 1982 г. Академией наук Венгрии на русском языке книга, в состав которой также вошли посвященные Бауэру статьи Б.П. Токина и С.Э. Шноля, по непонятным причинам не была допущена к распространению в СССР (Бауэр, Голиков, 2002; Müller, 2005). В нашей стране новое издание Бауэра появилось лишь в постсоветские годы (Бауэр, 2002). В последние десятилетия его идеи возвращаются к жизни также благодаря усилиям зарубежных авторов, в первую очередь профессора М. Мюллера, осмысляющих вклад Бауэра в свете современных научных представлений (Müller, 2005; Elek, Müller, 2024; Müller, Elek, 2024).

К сожалению, память об ученом ограничивается историей его идей, а между тем Бауэр был активным участником научной жизни в Москве и Ленинграде, руководя многочисленными сотрудниками и учениками. По приглашению Б.П. Токина, который возглавлял существовавший в системе Коммунистической академии Биологический институт имени К.А. Тимирязева, Бауэр в конце 1932 г. организовал в этом институте лабораторию общей биологии¹, сотрудниками которой были в разное время: известный исследователь простейших А.М. Лунц, физиолог В.А. Мужеев, биохимик С.Д. Борздыко, зоолог А.М. Грановская, иммунолог А.М. Филатова (Токин, 1965, с. 20–29). После создания в 1932 г. Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ) Бауэр, переехавший в 1934 г. в Ленинград, стал заведующим созданного в этом институте Отдела общей биологии, в состав которого вошли сразу несколько лабораторий. В Биологическом институте в Москве осталась лишь небольшая лаборатория из четырех сотрудников: А.М. Лунца, С.Д. Борздыко, А.М. Грановской и А.П. Щербакова. В 1936 г. вслед за ликвидацией Коммунистической академии эта лаборатория оказалась в составе Института общей биологии Академии наук СССР, а затем, в начале октября 1936 г., была приказом директора Института академика И.И. Шмальгаузена закрыта. По настоянию неперменного секретаря Академии Н.П. Горбунова и согласно решению Президиума АН от 5 декабря 1936 г. московская группа Э.С. Бауэра была выделена в самостоятельную Лабораторию теоретической биологии в составе Академии наук при сохранении за Бауэром руководства. Однако 4 мая 1937 г. Президиум Биологической группы Академии наук признал существование лаборатории в Академии «нецелесообразным»².

Судьба московской лаборатории Бауэра стала предметом обсуждения на состоявшемся 8 июня 1937 г. заседании Комиссии по размежеванию функций между Академией наук и ВИЭМ, созданной вслед за принятым в 1934 г. правительственным решением о переводе в Москву из Ленинграда не только учреждений Академии наук, но и ВИЭМ (Митник, 1935, с. 10–11). Публикуемая стенограмма заседания позволяет лучше понять не только деятельность Бауэра как ученого и организатора науки, но и сложные, отмеченные противоречиями отношения между Академией наук и ВИЭМ, стремившимся, как явствует из обсуждения, утвердиться на попри-

¹ См.: Отчет о деятельности Лаборатории теоретической биологии за 1934–36 гг. (автограф А.М. Лунца) // Архив РАН. Ф. 280. Оп. 1–1937. Д. 9. Л. 3.

² См.: Там же. Л. 3–6, 10.

ще фундаментальных, а не одних лишь прикладных медицинских исследований. Примечательно также, что представители ВИЭМ — директор Л.Н. Федоров, заведующие отделами института А.А. Заварзин и А.Д. Сперанский — намного более активны в отстаивании своих целей, чем президент Академии наук В.Л. Комаров, директор академического Института эволюционной морфологии И.И. Шмальгаузен и заведующий отделом этого института Х.С. Коштоянц. Так, возглавлявшаяся И.П. Павловым, а затем перешедшая после его смерти под начало академика Л.А. Орбели биостанция в Колтушах остается по настоянию ВИЭМ в его составе, вопреки, как следует из стенограммы, пожеланиям Орбели. Лаборатория же академика П.П. Лазарева переходит в Академию наук именно потому, что Федоров и его заместитель Сперанский не видят большого смысла в сохранении этой лаборатории в ВИЭМ. При обсуждении «размежевания функций» встает вопрос о дублировании исследований, и это прямо касается исследований Бауэра, тем более что предполагается переезд в Москву возглавлявшегося им отдела общей биологии ВИЭМ.

Как явствует из стенограммы, в исследованиях Бауэра в области теоретической биологии ВИЭМ заинтересован в значительно большей степени, чем Академия наук. С одной стороны, заинтересованность объясняется тем, что ВИЭМ в первые годы существования мыслился, по словам директора Федорова, как «теоретический центр», а не только «научно-практический», и в самом деле организация ВИЭМ в 1932 г. мотивировалась необходимостью «всестороннего изучения организма человека» (см.: Митник, 1935, с. 3). С другой стороны, идеи Бауэра представляются важными известному гистологу, заведующему Отделом общей морфологии А.А. Заварзину, который очень настойчиво, с долей горячности говорит о необходимости присутствия Бауэра в ВИЭМ. Отчасти здесь сказываются его собственные научные интересы, связанные в большей степени с биологическими, нежели с медицинскими проблемами, — Заварзин по праву считается одним из основоположников эволюционной гистологии. Но интересно и высказанное им несколько ранее мнение о том, что в медицинской среде «слишком прочно... укоренились обычные школьные представления об общих понятиях, слишком мало было сделано для биологического освещения медицинских проблем...» (Невмывака, 1971, с. 131). Поэтому необходимо своего рода усиление, «возобновление» контакта медицины с общей биологией: «И физиология и морфология, в составе анатомии, гистологии и эмбриологии, в своем развитии на медицинских факультетах значительно приблизили свою проблематику к интересам специальных медицинских наук, но почти совершенно оторвались от своих общебиологических корней» (Заварзин, 1936, с. 5).

Сбыться надеждам на плодотворное сотрудничество с Бауэром было не суждено. Через считанные недели, в августе 1937 г., Бауэра и его жену математика С. Сциллард арестуют, а его московская лаборатория перестанет существовать, вскоре закроют и возглавлявшийся им отдел ВИЭМ (Грекова, Ланге, 1994, с. 18). Знание об обрушившихся на ВИЭМ масштабных арестах заставляет задуматься и об их влиянии на сужение профиля проводившихся исследований, постепенном сворачивании фундаментальных работ в пользу собственно медицинских, — вопрос этот заслуживает, на наш взгляд, внимания историков науки.

Идея настоящей публикации принадлежит Е.С. Левиной, обнаружившей стенограмму, а также отчет лаборатории Бауэра в Архиве РАН, но не успевшей эту идею осуществить. Введение и комментарии к публикации написаны К.О. Россияновым, которому материалы, собранные Е.С. Левиной, были любезно предоставлены про-

фессором М. Мюллером. Стенограмма и отчет сохранились в Архиве РАН в составе документов Биологической группы (ф. 280) — институциональной предшественницы созданного в 1938 г. Отделения биологических наук АН СССР. Фонд включает в свой состав переписку с институтами и лабораториями, их отчеты и планы, а также материалы, связанные с подготовкой и проведением научных совещаний. Публикуемая стенограмма воспроизводится с некоторыми сокращениями, относящимися к развитию в стенах ВИЭМ и АН СССР исследований в области химии, а также деятельности академиков П.П. Лазарева и Н.Д. Зелинского.

Стенограмма заседания Комиссии по размежеванию функций между Академией наук и ВИЭМ (8 июня 1937 г.)³

Председательствует В.Л. Комаров

Комаров⁴. Разрешите, товарищи, открыть наше заседание. Прежде всего, мы должны решить относительно лаборатории теоретической биологии. Сидеть между двух стульев это дело нехорошее и так или иначе с этим положением нужно покончить.

Федоров⁵. Разрешите мне коснуться принципиального вопроса, который должен быть сегодня поставлен, а именно вопроса о том, что собой представляет ВИЭМ, поскольку мы сегодня должны решить вопрос о точках соприкосновения и размежевания Академии наук и ВИЭМ. ВИЭМ ставит своей задачей, как об этом говорится в постановлении правительства, изучение человека на основе теории и практики медицинских наук, в частности, на основе точных наук, физики, химии и биологии. Поэтому мы считаем, что в нашей структуре биологические дисциплины должны существовать и они существуют. Если мы лишимся широкой биологической базы, мы рискуем превратиться в учреждение научно-практического свойства, а не теоретический центр. Поэтому в нашей структуре предусмотрены такие разделы работ, как раздел эволюционной физиологии, эволюционной морфологии. Они совершенно неизбежны в нашей системе. Это не значит, что эволюционная физиология или эволюционная морфология не могут существовать в Академии наук. Они могут и должны существовать в Академии наук, но не в том повороте, не в том разрезе, который нам нужен. В частности, по вопросу относительно лаборатории проф. [ессора] Бауэра у нас в ВИЭМ существует такая точка зрения. А.А. Заварзин кровно заинтересован в наличии лаборатории проф. [ессора] Бауэра у нас в ВИЭМе. Проф. [ессор] Заварзин может быть больше, чем кто-либо другой, связан с рабочей гипотезой по данной дисциплине. Наше предложение в общем сводится к следующему.

В части лаборатории проф. [ессора] Бауэра мы категорически настаиваем на том, чтобы она осталась в системе ВИЭМа, потому что мы уже ощутили полезность ее в нашем деле. Она нас вооружает в целом ряде областей. Там есть много моментов

³ Архив РАН. Ф. 280. Оп. 1–1937. Д. 9. Л. 11–18 об., 21–36.

⁴ Комаров В.Л. (1869–1945) — ботаник, флорист-систематик, путешественник. Вице-президент АН СССР в 1930–1936 гг., президент АН СССР в 1936–1945 гг.

⁵ Федоров Л.Н. (1891–1952) — физиолог, первый директор ВИЭМ (1932–1938 и 1945–1948 гг.).

гипотетических и спорных, которые подлежат дальнейшей проверке и уяснению. Но во всяком случае мы ощущаем ее необходимость в нашей системе.

Что касается биологической станции в Колтушах, то мы имеем по этому вопросу твердую точку зрения, которая заключается в следующем. Ввиду того, что Народный комиссар здравоохранения тов. Каминский дал свое согласие на постройку клиник в Колтушах вплоть до того, что это строительство может быть начато в этом году, мы стремимся работу по физиологии высшей нервной деятельности, начатую у нас 47 лет назад и успешно продолжаемую, развить в направлении подведения под все это дело широкой физиологической базы. Поэтому мы настаиваем на том, чтобы Колтуши остались в системе ВИЭМа и считаем это вполне закономерным, тем более что Колтушская станция превращается в комплекс ряда направлений по изучению высшей нервной деятельности от низших биологических звеньев до человека и будет носить теперь вполне законченный характер⁶.

Последний вопрос, который должен быть здесь поставлен, это вопрос относительно биофизики. По этому вопросу мы вносим другое предложение. Наша работа с академиком Лазаревым убедила нас в том, что направление, которым занимается академик Лазарев, направление теоретической биофизики, не подходит к нашему направлению. Поэтому мы вносим предложение эту лабораторию закрыть у нас и передать ее Академии наук. Нам нужна не столько биофизика в стиле академика Лазарева, сколько прикладная физика⁷.

А когда речь идет о разработке чисто математических вопросов, то у нас просто нет людей достаточно в этом отношении компетентных. Поэтому нам трудно развивать это дело. Поэтому академика Лазарева лучше будет использовать в Академии наук. Мы не можем считаться с тем, что П.П. Лазарев работает по адаптации. Это частный случай, который не составляет сущности его направления. В основном он работает в области ионной теории возбуждения, которую он разрабатывает математически и физически. Поэтому я уполномочен от имени Наркома т. Каминского заявить наше согласие на передачу этой лаборатории Академии наук.

Заварзин⁸. Лаборатория проф.[ессора] Бауэра и вообще отдел проф.[ессора] Бауэра является неотъемлемой частью довольно стройной системы. Его отдел и тот отдел, который я возглавляю, отдел общей морфологии и цитологии, тесно между собой связаны. Мы преследуем задачу биологизировать медицинскую гистологию. Его отдел занимается общей гистологией, которую он переводит на эволюционные рельсы. Задачей нашего отдела является перестройка всей современной гистологии на эволюционный лад. Еще больше я увязан с ним в вопросах механики развития и физиологической цитологии. Все это дело у нас идейно связано и организова-

⁶ Колтушская биостанция открыта в 1926 г. в поселке Колтуши в 10 км от Ленинграда в соответствии с идеей, высказанной тремя годами ранее И.П. Павловым. С 1933 г. на станции проводились исследования, посвященные изучению генетики высшей нервной деятельности и эволюционной физиологии.

⁷ Лазарев П.П. (1878–1942) — физик и биофизик, академик (с 1917 г.), создатель и директор Института физики и биофизики в Москве (1917–1931). С 1934 г. заведовал в ВИЭМ Отделом биофизики, преобразованным в 1938 г. в Биофизическую лабораторию АН СССР. Развивал ионную теорию возбуждения.

⁸ Заварзин А.А. (1886–1945) — гистолог, один из основоположников эволюционной гистологии, создатель теории параллелизма гистологических структур. В 1932–1945 гг. заведующий Отделом общей морфологии и цитологии ВИЭМ.

но. Бауэр является для нас исходным моментом, потому что его теория о специфичности белковой молекулы дала уже нам плодотворные результаты. Лаборатория Насонова⁹ также тесно связана с морфологическими и общегистологическими проблемами. Эта связь у нас настолько укрепилась, что мы прямо от Насонова переходим к решению некоторых морфологических проблем. Например, вопрос о строении поперечнополосатой мышцы сейчас увязан довольно стройно между Бауэром, Насоновым и нами. Мы занимаемся регенерацией мышцы, Насонов занимается цитофизиологией, а Бауэр на мышце строит часть своих построений. Все это у нас так прочно увязано, что я думаю, что в ближайшем будущем у нас появится довольно стройная концепция в этом направлении.

Это будут первые пробные шаги, которые оправдают нашу организацию. Затем мы имеем и выход в медицину в смысле микроскопической анатомии, которая представлена отделом Лаврентьева¹⁰. Мы работаем уже 5 лет с определенным планом и по этой линии у нас получается прямо идеальная связь от Бауэра до таких разделов медицины, которые имеют уже прямой выход в практику вроде патологии в ее морфологической и физической интерпретации. Разрушить эту связь невозможно. Я сам биолог, не медик, и особенным патриотизмом медицинским не отличаюсь. Но я должен сказать, что в этой системе я нашел свое место, которое обладает характером одного из основных принципов организации науки в нашей стране, т. е. связью с практикой. Причем эта связь с практикой отнюдь не надуманная, не то, что ставятся проблемы для разрешения. А это связь совершенно естественная. Я могу привести конкретный пример. Вчера один из моих учеников защищал диссертацию на тему о кровеносных сосудах — гистология кровеносных сосудов. Эта работа была построена на чисто биологической идее и преследовала своей целью выяснение с гистологической стороны теории ангиопласта, которая дает выход в патологическую анатомию сосудов. А состояние сосудов это есть состояние человеческого организма. У нас есть некоторые выходы, которые прямо бьют в цель. Разрушить эту систему невозможно. Я не знаю, в чем тут дело с Бауэром. Он мог иметь основания быть недовольным своим положением. Положение у него действительно очень трудное. Дело в том, что доказать непосредственно его идею очень трудно. Тут необходима большая организация и большое оборудование. В этом отношении Бауэра нужно поставить в определенное положение. Нужно дать ему возможность работать в определенном направлении, в определенном плане и в государственном масштабе. Для этой цели необходимо прежде всего покончить со всеми этими местоположениями его лаборатории. Нужно твердо решить, где эта лаборатория будет находиться, и дать ей возможность развиваться так, как она должна развиваться.

Сперанский¹¹. Я присоединяюсь к тому, что здесь было сказано. Если считать, что основная задача ВИЭМа состоит в том, чтобы создать руководящие направления в исследованиях по научной медицине, то, конечно, все эти крупные медицинские проблемы, если они увязаны с медициной, нам нужны. Научная меди-

⁹ Насонов Д.Н. (1895–1957) — цитолог и цитофизиолог, с 1932 г. — заведующий лабораторией цитологии ВИЭМ.

¹⁰ Лаврентьев Б.И. (1892–1944) — гистолог, нейрогистолог, в 1934–1944 гг. заведовал в ВИЭМ Отделом морфологии человека.

¹¹ Сперанский А.Д. (1888–1961) — медик, физиолог и патолог, заведующий Отделом общей патологии ВИЭМ.

цина имеет за собой всего навсего 100 лет, а, может быть, и 100 лет не имеет, если хорошо и крепко ее взять. Следовательно, все течения по линии биологии, может быть, уже теперь так или иначе связанные с созданием направлений исследований в медицинской науке, все это очень ценно и должно быть освоено медициной. Что касается Колтушей, то ведь не нужно забывать, что Колтуши созданы Иваном Петровичем [Павловым] для изучения высшей нервной деятельности в эволюционном разрезе и по линии генетики этого процесса. Идея их создания заключалась именно в том, чтобы от инфузории дойти до человека. Я думаю, что изъятие Колтушей из системы ВИЭМа было бы шагом к разрушению ВИЭМа. Этому делу уже свыше 10 лет. Это дело выращивалось, было выращено до человекообразных обезьян¹², а в настоящее время дорастивается до человека. Если мы действительно механизм высшей нервной деятельности в эволюционном разрезе сумеем изучить в одном месте и закончить это изучение теми или другими способами, может быть, еще недостаточно выработанными, но предпосылки для которых имеются, то это будет прямо связано с созданием научной медицины. Я понимаю, что это и большая биологическая проблема, но вместе с тем это и проблема медицины, в частности, советской медицины, и в частности, ВИЭМа, который создавался Павловым. Его руками вся эта организация создана. Так что потерять Колтуши, это немалый урон для ВИЭМа.

Шмальгаузен¹³. Я не собираюсь доказывать, что теоретическая биология нужна для медицины, потому что медицина строится вся на биологии. Но весь вопрос в том, насколько тесно связана лаборатория Бауэра с медициной. Конечно, непосредственной связи тут нет. Из того, что здесь говорилось, ясно, что эта связь устанавливается через гистологию и через физиологию, а не непосредственно. Так что эта лаборатория является действительно теоретической лабораторией.

Как собственно возник этот вопрос? Бауэр работал в Москве в Тимирязевском институте и создал там лабораторию. Потом он переехал в Ленинград, в ВИЭМ, частично оставив за собой эту лабораторию. Эта лаборатория вместе с Тимирязевским институтом была передана в Академию наук. Таким образом это старая лаборатория Бауэра в Москве. Владимир Леонтьевич говорил здесь о том, что сидеть между двух стульев неудобно. Так и мы думали. Поскольку это лаборатория сугубо теоретическая, мы сначала думали объединить всю эту лабораторию в Академии наук. Бауэр на это соглашался. Правда, он ставил целый ряд условий. Не знаю, насколько могла бы их выполнить Академия наук. Но ВИЭМ решительно восстал против нашего проекта воссоединения лаборатории Бауэра в Москве в Академии наук. В результате и получилось, что Бауэр остался сидеть между двух стульев. В Москве осталась карликовая лаборатория, а в ВИЭМе имеется лаборатория такого масштаба, как, по-видимому, и следует. Поэтому в ВИЭМе возник вопрос, как быть с этой лабораторией. Поскольку ВИЭМ настаивал на сохранении лаборатории в Ленинграде, мы сами в Президиуме Биогруппы присоединились к такому мнению, что тогда остается только нашу лабораторию передать ВИЭМ. Другого выхода, казалось бы, нет. Но

¹² Начало этим исследованиям положили шимпанзе Рафаэль и Роза, подаренные в 1933 г. С. Вороновым и привезенные в СССР П.К. Денисовым.

¹³ Шмальгаузен И.И. (1884–1963) — зоолог и эволюционист, с 1935 г. — академик, в 1936–1948 гг. — директор Института общей биологии / Института эволюционной морфологии АН СССР.

как я слышал, это постановление было опротестовано в Президиуме Академии наук и как будто бы сам проф.[ессор] Бауэр восстал против ликвидации его лаборатории в системе академических учреждений.

Комаров. Дело в том, что Бауэр работает в ВИЭМе, в Москву приезжает редко, между тем привлечь его в Академию наук весьма желательно. Поэтому некоторые члены Президиума в частном порядке уговаривали его изменить ВИЭМу и перейти в Академию наук. Но официально его никто не приглашал.

Шмальгаузен. Тут у нас в Президиуме раздавались некоторые голоса против направления, возглавляемого Бауэром. Я лично считаю, что это направление очень интересное. Правда, тут много трудностей. Экспериментальной проверке оно почти недоступно. Но некоторые выходы, хотя бы в области теории роста, очень интересны. В частности, один из физиологов, которые считают себя учениками Бауэра, Анучин, работает как раз в этой области и у него получаются очень интересные вещи. Как будто бы такая проверка возможна. Мы ценим такие работы, но это сидение между двух стульев просто нетерпимо.

Федоров. По поводу выписки из приказа. Моя память не может восстановить этого положения, что в случае разногласия вопрос решается арбитражем академика Ухтомского. Я возражаю против этого пункта.

Комаров. Дело в том, что академик Ухтомский¹⁴ единственный из членов президиума, который встал на защиту перехода Бауэра в Академию наук. А вообще тенденция была такая, чтобы по возможности настаивать на сохранении Бауэра в стенах Академии наук. Так что это связано с привлечением союзников. Но это нас ни к чему не обязывает.

Следовательно, можно резюмировать так. Ваше мнение заключается в том, что Бауэр вам нужен в системе ВИЭМа, дает вам ценные гипотезы, на основе которых ваши практические институты разрабатывают те или другие чрезвычайно полезные вещи. Вы, например, говорите, что его гипотеза дает возможность иначе понять строение сосудистой стенки. Совершенно ясно, что это очень важно. Тут не может быть двух мнений. Я бы не сказал, что Иван Иванович [Шмальгаузен] очень настаивает на том, чтобы иметь Бауэра в нашей системе.

Шмальгаузен. Вообще желательно было бы иметь в нашей системе теоретическую биологию.

Комаров. Еще один вопрос относительно его заместителя Лунца. Мне говорил о нем академик Кржижановский как о выдающемся ученом. Лунц ученик Бауэра еще по загранице, они вместе приехали в Союз. У нас к Лунцу было несколько иное отношение. Нас неприятно поразило, что он опять выдвигает тему относительно бессмертия. Это как раз и вызвало у нас впечатление, что люди работают над личными темами, которые ни с чем не увязаны. У них собственно три темы. Две темы кажутся нам достаточно важными. Но вот тема о бессмертии нас неприятно поразила¹⁵. Словом, нам нужно решить вопрос и относительно сотрудников Бауэра. Возможно,

¹⁴ Ухтомский А.А. (1875–1942) — физиолог, создатель учения о доминанте. С 1935 г. — академик.

¹⁵ В отчете Лунца в числе разрабатывавшихся лабораторией тем названа проблема «т.[ак] н.[азываемого] "индивидуального бессмертия" у простейших и червей». Лаборатория также работала над «энергетикой мышечного сокращения», проблемами «травматического аммиака (в связи с увеличением числа хромосомных мутаций в стареющих семенах)» и «раздражимости простейших». См.: Отчет о деятельности Лаборатории теоретической биологии за 1934–36 гг. // Архив РАН.

что они могли бы работать в Институте Ивана Ивановича [Шмальгаузена], если бы их тематика подошла, или у академика Ухтомского, или, может быть, проф.[ессор] Бауэр с ними не расстанется.

Шмальгаузен. Положение, мне кажется, таково, что здешние сотрудники Бауэра вряд ли могут работать в какой-нибудь другой лаборатории именно по направлению их работ. Вместе с тем я не вижу, чтобы кто-нибудь из них мог возглавить самостоятельную лабораторию.

Комаров. А Лунц?

Шмальгаузен. Мне кажется, что он не годится в руководители.

Федоров. Мне кажется, что нужно решить сначала первый вопрос, где остается проф.[ессор] Бауэр. Если мы решим, что он остается в ВИЭМе, то при таких условиях существование здесь кустарной лаборатории не имеет никакого смысла. Нельзя действительно сидеть между двух стульев. Я не берусь решать этого вопроса, но мне кажется, что перевод всех сотрудников Бауэра в Ленинград нецелесообразен. Мы настолько обеспечили Бауэра сотрудниками, что он по собственной инициативе несколько сократил объем своей лаборатории. Так что вопрос о них нужно решать персонально. С ними нужно поговорить, где они хотят работать. Но как структурную единицу нужно ликвидировать эту лабораторию и не создавать путаницы в этом вопросе.

Сперанский. Может быть, можно оставить эту ячейку по линии консультации, тогда Бауэр может быть консультантом у Ив.[ана] Ив.[ановича] [Шмальгаузена].

Комаров. Нам нежелательно увеличение числа кустарных лабораторий. Три чел. [овека] не составляют института. Руководство по линии консультации из другого города это трудная вещь.

Сперанский. Я сам переживаю эту тяжелую драму консультативной работы в Ленинграде и всячески стараюсь с этим покончить.

Комаров. То же самое думает и проф.[ессор] Бауэр. Он также не склонен разрываться между двумя городами, но его уговаривали, а теперь перестали уговаривать. Ему это может показаться обидным.

Федоров. По окончании строительства ВИЭМа можно будет Бауэра перевести в Москву, чтобы установить тесную связь с Академией наук.

Заварзин. Вопрос о переводе нашего отдела в Москву решен. При этих условиях оставлять Бауэра в Ленинграде бессмысленно. Он тоже должен будет переехать вместе с нами. Так что этот вопрос через некоторое время снова встанет в принципиальной плоскости. Когда весь основной массив ВИЭМа переедет сюда, снова может встать принципиальный вопрос о связи этих двух учреждений, потому что биология едина, как ее ни дели, и какие-то отношения между двумя руководящими учреждениями должны быть установлены. Это касается и физиологии, потому что биология без физиологии существовать не может. Так что все это нужно решать в более широком аспекте. Вопрос о лаборатории Бауэра не может рассматриваться как частный вопрос. Жизнь потребует принципиального решения. Мы должны быть к этому принципиальному решению готовы. Наша точка зрения построена на принципиальной основе, на организационной основе, которая у нас в ВИЭМе достаточно разработана и спланирована.

Сперанский. Рано или поздно придется решать вопрос о каких-то взаимоотношениях между системами медицинской и биологической, представленными Академией наук и ВИЭМом.

Комаров. Я против борьбы с параллелизмом, потому что наука такая сложная вещь, что этот параллелизм обычно только кажущийся.

Теперь относительно Колтушей. Вы категорически настаиваете на сохранении их у себя. Мы не настаиваем. Это, собственно, предложение академика Орбели¹⁶, которому трудно разрываться между двумя ведомствами.

Федоров. Орбели уже оставил руководство лабораторией Павлова.

Сперанский. В связи с постройкой клиник теперь там осуществляется замысел Павлова и там теперь и по объему помещения и по линии использования кредитов можно сделать очень много.

Комаров. Это удобно Орбели. А нам вести это хозяйство в другом городе очень трудно. Ответственность очень большая. Нас это не устраивает. А раз там устраиваются клиники, то ясно, что все это получает медицинское направление.

Теперь вопрос относительно лаборатории Лазарева. Для нас это вопрос новый, и я затрудняюсь на него ответить. Конечно, академик Лазарев есть академик Академии наук. Подход у него чисто теоретический. Сейчас еще ионную теорию довести до практики очень трудно. Он сначала должен вычислить положение ионов между электронами. Это новая вещь, понять которую очень трудно.

Сперанский. Мы его не понимаем.

Шмальгаузен. А Бауэра вы понимаете?

Сперанский. С трудом, но понимаем. У него есть выход к нам.

Комаров. У Лазарева были темы по адаптации и ряд других разнообразных тем. Но я боюсь, что в этих своих практических темах он не всегда на высоте.

Федоров. Нам кажется, что правильнее было бы использовать его по теоретической биофизике.

Сперанский. Мы его считаем нужным, но не в нашей системе, где деятельность его ничем не проявляется. <...>

Комаров. <...> Вернемся однако к лаборатории проф.[ессора] Бауэра. Вы ставите вопрос таким образом, что Бауэр вам необходим. Все вы трое с этим согласны. Тут никаких сомнений нет.

Проф.[ессор] Бауэр сидит у вас крепко. Следовательно вопрос сводится к тому, что мы будем делать с кусочком его лаборатории, который находится в Москве и работает вне его непосредственного влияния. Институт из них образовать не можем. Ив.[ану] Ив.[ановичу] [Шмальгаузену] они не подходят.

Шмальгаузен. У меня нет таких работ. По бессмертию инфузории работает один Лунц. Два других сотрудника работают по общей физиологии. А у нас эволюционная физиология, а не общая физиология, не энергетика жизненных процессов.

Федоров. Они могли бы работать у Коштыянца¹⁷?

¹⁶ Орбели Л.А. (1882–1958) — академик (с 1935 г.), в 1936–1950 гг. — директор Института физиологии АН СССР, в 1939–1948 гг. — академик-секретарь Отделения биологических наук АН СССР. Один из основоположников эволюционной физиологии, ученик И.П. Павлова.

¹⁷ Коштыянец Х.С. (1900–1961) — физиолог, заведующий Отделом сравнительной физиологии Биологического института им. К.А. Тимирязева. После реорганизации отдел вошел в состав Института общей биологии АН СССР.

Шмальгаузен. Мне кажется, что единственное решение, это передача их в Ленинград.

Федоров. У Бауэра вполне сформированная лаборатория.

Шмальгаузен. Если Бауэр откажется от кого-нибудь, это его дело.

Заварзин. Ведь нам все равно придется Бауэра перебрасывать на территорию ВИЭМ. Я считаю, что если принципиально будет решен вопрос относительно перевода Бауэра одновременно с нами, то может получиться неплохая комбинация. А решать вопрос относительно его сотрудников мы не можем без самого Бауэра.

Комаров. Бауэр поставил нам ряд жестких требований. Он требует от нас большое помещение и оборудование. Сейчас в середине года мы ничего сделать не можем. Вообще у нас с помещением сейчас очень тяжело. Поэтому увеличивать число лабораторий нам очень трудно. Я согласен с Заварзиным, что это частный вопрос. Но иногда частный вопрос тесно связан с общим вопросом.

Шмальгаузен. Если решается вопрос о лаборатории, то ведь лаборатория это не только заведующий, но и персонал и оборудование.

Кожтоянц. В лаборатории Бауэра работают Лунц, Грановская, Борздыко и Щербаков¹⁸. Если речь идет о моей лаборатории, то с большой натугой для себя могу взять только С.Д. Борздыко. Она работала у меня в Университете, и я могу ее втянуть в свою тематику. Лунца я взять не могу, потому что это доктор наук со сложившейся тематикой в области изучения простейших, тематикой, которая меня не устраивает. Грановская занимается регенерацией простейших животных и скорее подошла бы к лаборатории проф.[ессора] Шакселя¹⁹. Что касается Щербакова, то я его не знаю. Говорят, он хороший работник, но это вполне сложившийся человек. Так что я могу взять к себе только Борздыко.

Комаров. Итак большинством голосов решено, что Бауэр остается в системе ВИЭМ.

Шмальгаузен. Отсюда логический вывод, что туда же нужно передать и его московскую лабораторию.

Сперанский. Без Бауэра этого нельзя решить. Затем здесь вопрос о штатных единицах.

Комаров. Я попробую заявить на президиуме что мы их устроим.

Сперанский. Если Бауэр не откажется от своей лаборатории, то я думаю, что у нас нет особых оснований отказываться от ее приема. Если же он от нее откажется, то мы совместно постараемся рассосать человеческий материал.

Шмальгаузен. Но Бауэр доказывает, что это один коллектив.

¹⁸ Лунц А.М. (1901–1977) — протистолог, ученик М. Гартмана, с 1932 г. работал в СССР в Биологическом институте им. К.А. Тимирязева. В 1937 г. уехал, спасаясь от репрессий, в Саратов, в 1939–1948 гг. — заведующий кафедрой общей биологии Саратовского медицинского института. Борздыко С.Д. (годы жизни не установлены) — биохимик, ее выполненные под руководством Бауэра исследования упоминаются в «Теоретической биологии» (Бауэр, 1935, с. 130). Грановская А.М. (годы жизни не установлены) — зоолог, в «Теоретической биологии» также упомянуты ее совместная работа с Бауэром и общая их публикация (Бауэр, 1935, с. 100, 105). Щербаков А.П. (1903–1989) — гидробиолог, после закрытия московской лаборатории Бауэра работал какое-то время в Отделе общей биологии ВИЭМ.

¹⁹ Шаксель Ю. (1887–1943) — немецкий биолог-эмигрант, работал в Институте экспериментального морфогенеза, в марте 1938 г. арестован, впоследствии освобожден.

Заварзин. Я думаю, что большого вопроса в этом нет. Ведь в конце концов речь идет о трех мес.[яцах]. До декабря они могут продолжать существование в таком виде.

Комаров. До конца года их можно оставить. Но они сами против этого протестуют.

Сперанский. Если будет решена их судьба, они успокоятся.

Шмальгаузен. Следовательно мы отсрочиваем передачу лаборатории.

Комаров. Нет, большинство высказывалось за то, что эта лаборатория остается в системе ВИЭМа. Что касается вопроса о судьбе четырех сотрудников Бауэра, то один сотрудник может быть принят в институт Ивана Ивановича [Шмальгаузена]. Трое остальных будут сами решать свою судьбу. Мы получим от ВИЭМа справку, что скажет Бауэр, и тогда уже пригласим их к себе, поговорим с ними и доложим Президиуму о результатах этих переговоров.

Сперанский. Следовательно, вопрос о ликвидации этой лаборатории в вашей системе решен.

Шмальгаузен. А если Бауэр пожелает сохранить свой коллектив в целости, вы не откажетесь его принять?

Федоров. Тут затруднение со штатными единицами.

Шмальгаузен. А с января месяца?

Сперанский. Если с 1 января вы возьмете лабораторию П.П. Лазарева, то все вопросы разрешатся.

Комаров. На этом мы можем закрыть наше заседание.

Литература

- Бауэр Э.С.* Теоретическая биология. М. — Л.: Изд-во ВИЭМ, 1935. 206 с.
- Бауэр Э.С.* Теоретическая биология. СПб.: Росток, 2002. 350 с.
- Бауэр М.Э., Голиков Ю.П.* Трагическая судьба Эрвина Симоновича Бауэра // *Бауэр Э.С.* Теоретическая биология. СПб.: Росток, 2002. С. 7–23.
- Грекова Т.И., Ланге К.А.* Трагические страницы истории Института экспериментальной медицины (20–30-е годы) // Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. Т. 2. СПб.: Наука, 1994. С. 9–23.
- Заварзин А.А.* Эволюционная теория, учение о тканях и теоретическая медицина // Современные проблемы теоретической медицины / Ред. Р.Л. Яксон. Л.: Биомедгиз, 1936. С. 5–27.
- Митник Н.Я.* Всесоюзный Институт экспериментальной медицины при СНК СССР (ВИЭМ). Л.: ВИЭМ, 1935.
- Невмывака Г.А.* Алексей Алексеевич Заварзин. Л.: Наука, 1971. 208 с.
- Токин Б.П.* Теоретическая биология и творчество Э.С. Бауэра. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1965. 176 с.
- Elek G., Müller M.* Ervin Bauer's concept of biological thermodynamics and its different evaluations // *Biosystems*. 2024. Vol. 235. P. 105090.
- Müller M.* Ervin Bauer (1890–1938), a martyr of science // *The Hungarian Quarterly*. 2005. No. 178. P. 123–131.
- Müller M., Elek G.* The history of Ervin Bauer's publications on the theory of life // *Biosystems*. 2024. Vol. 241. P. 105212.

New Documents about the Fate of Erwin Bauer's Laboratory in the USSR Academy of Sciences

ELENA S. LEVINA, KIRILL O. ROSSIANOV

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; rossiianov@yandex.ru

This article examines the history of the laboratory that Erwin Bauer, a prominent Hungarian scientist, author of the book “Theoretical Biology”, organized in Moscow following his 1925 arrival in the USSR. In the archives of the Russian Academy of Sciences, Elena Levina found the records of a scientific session that was convened in order to decide the fate of this laboratory. The publication of the records helps better understand the reception of Bauer's ideas by the community of Soviet biologists, as well as some general problems of the organization of Soviet science. A special stress is laid on the collaborative work of Bauer and the Soviet histologist Alexei Zavarzin.

Keywords: history of biology, theoretical biology, organization of science in the USSR, Erwin Bauer, Hungarian émigré scientists in the USSR.

References

- Bauer, E.S. (1935). *Teoreticheskaia biologiiia* [Theoretical biology]. M. — L.: VIEM Publishers (in Russian).
- Bauer, E.S. (2002). *Teoreticheskaia biologiiia* [Theoretical biology]. Saint-Petersburg: Rostok (in Russian).
- Bauer, M.E., Golikov, Iu.P. (2002). Tragicheskaia sud'ba Ervina Simonovicha Bauera [The tragic fate of Erwin Simonovich Bauer], in: Bauer E.S. *Teoreticheskaia biologiiia* [Theoretical biology]. Saint-Petersburg: Rostok. Pp. 7–23 (in Russian).
- Grekova, T.I., Lange, K.A. (1994). Tragicheskie stranitsy istorii Instituta eksperimental'noi meditsiny (20–30-e gody) [Tragic pages in history of the Institute of experimental medicine, 1920s–1930s], in: M.G. Iaroshevskii (Ed.), *Repressirovannaia nauka* [Oppressed science] Vol. 2. Saint-Petersburg: Nauka. Pp. 9–23 (in Russian).
- Zavarzin, A.A. (1936). Evolutsionnaia teoriia, uchenie o tkaniakh i teoreticheskaia meditsina [Evolutionary theory, the conception of tissues, and theoretical medicine], in: R.L. Iakson (Ed.), *Sovremennye problem teoreticheskoi meditsiny* [Modern problems of theoretical medicine]. Leningrad: Biomedgiz. Pp. 5–27 (in Russian).
- Mitnik, N.Ia. (1935). *Vsesoiuznyi Institut eksperimental'noi meditsiny pri SNK SSSR (VIEM)*. [The All-Union Institute of Experimental Medicine at Sovnarkom of the USSR (VIEM)]. Leningrad: VIEM (in Russian).
- Nevmyvaka, G.A. (1971). *Aleksei Alekseevich Zavarzin*. Leningrad: Nauka.
- Tokin, B.P. (1965). *Teoreticheskaia biologiiia i tvorchestvo E.S. Bauera* [Theoretical biology and the work of E.S. Bauer]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta (in Russian).
- Elek, G., Müller, M. (2024). Ervin Bauer's concept of biological thermodynamics and its different evaluations. *Biosystems*, 235, 105090. Retrived from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0303264723002654>.
- Müller, M. (2005). Ervin Bauer (1890–1938), a martyr of science. *The Hungarian Quarterly*, 178, 123–131.
- Müller, M., Elek, G. (2024). The history of Ervin Bauer's publications on the theory of life. *Biosystems*, 241, 105212. Retrived from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0303264724000972>.